

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Эта карусель
обладала
способностью
оживлять
самые лучшие
воспоминания...

Наталья АЛЕКСАНДРОВА

**Секрет золотой
карусели**

Наталья Николаевна Александрова

Секрет золотой карусели

Серия «Артефакт & Детектив»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69415771
Секрет золотой карусели: Эксмо; М.; 2023
ISBN 978-5-04-189183-1

Аннотация

Талантливый мастер XVII века из немецкого города Нюрнберга сделал для богатого восточного купца удивительную механическую игрушку – золотую карусель с секретом. После этого заказчик загадочным образом исчез вместе с игрушкой, но мастер успел сделать копию...

В наши дни молодая художница Катя вернулась в дом, где жила в детстве. Ее давний друг уговорил ее поучаствовать в местной выставке с картиной «Дом с башней». Но вдруг стали происходить странные вещи. Ее картина пропадает, и к художнице нагрянули незнакомые люди. Катя оказывается втянутой в опасную историю, которая таинственным образом оказывается связанной с потерянным артефактом...

Читайте новый захватывающий «Артефакт&Детектив» от мастера жанра Натальи Александровой! Новые приключения и поиски артефакта!

Наталья

Николаевна Александрова

Секрет золотой карусели

© Александрова Н.Н., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

– А вот тут, Маруся, была когда-то пирожковая. – Я огляделась и не нашла и следа бывлой закуской, вместо нее был теперь салон мобильной связи.

– А здесь – магазин канцтоваров, очень удобно, идешь из школы, если тетрадки нужны, или ручка шариковая, или карандаш с резинкой, то вот тут все рядом.

Ага, было рядом... А теперь нет. Потому что вместо канцелярского магазина в том самом месте был секс-шоп. Вот прямо рядом со школой, совсем одурели они, что ли? Дети же мимо ходят!

Маруся посмотрела на меня с легким недоумением и, кажется, даже пожалала плечами.

– Ну, – я вздохнула, – неудивительно, что все изменилось, все-таки двадцать лет прошло... Пойдем дальше, я покажу тебе мою школу. Между прочим, десять лет там отучилась.

Мы завернули за угол, и тут я встала как вкопанная. Потому что здания школы не было. Не было футбольного поля перед входом, не было пары скамеек, где сидели мы в теплую погоду, готовясь к экзаменам, не было дырки в заборе, от которой шла тропинка ко входу в школу, и сам забор тоже отсутствовал.

То есть забор был, только не такая старая заржавленная решетка, в которой предприимчивые школьники проделывали дырки для удобства передвижения. Теперь это был сплошной забор из одинаковых бетонных секций, покрашенных в васильковый цвет. Причем, судя по сизому оттенку и пятнам, покрашен забор был очень давно.

Маруся подбежала к забору и попыталась заглянуть в щель. Потом посмотрела на меня теперь уже не с удивлением, а с обидой: мол, все время ты меня обманываешь, нет же здесь никакой школы. Школа – это когда шум, гам, дети бегают, звонок звенит, а тут только большая яма, водой наполненная, и мусор всякий.

Точно, вместо здания школы был огромный котлован, причем, судя по горам постороннего мусора, его вырыли очень давно, да так и оставили.

Мы обогнули забор и увидели ворота, закрытые на тяжелую заржавленную цепь. На воротах висел выгоревший щит, где написано было, что там, за забором, осуществляется строительство детского спортивно-развлекательного центра, с указанием, что работы должны были завершиться три

года назад.

– Но тут точно раньше была моя школа!

Маруся в ответ только недоверчиво фыркнула, а я развернулась и пошла дальше, не оглядываясь. Я ведь не вру, просто очень давно не была в этом районе.

Через три минуты Маруся догнала меня и легонько тронула за руку, извиняясь:

– Ладно уж, не будем ссориться!

И мы бодро припустили к скверу.

Раньше за сквером был пустырь, где организовалась несанкционированная собачья площадка, а с другой стороны сквер вплотную подступал к зданию художественной школы, куда я ходила целых пять лет. Но рассказывать про это Марусе я не стала, поскольку, кто знает, может, и художки тоже уже нет, и Маруська будет надо мной смеяться.

Сквер был, точнее не сквер, а целый парк, потому что к нему присоединили тот самый пустырь, засадили его кустами и сделали на нем шикарную детскую площадку и огромную клумбу. Сейчас, по осеннему времени, клумба была закрыта еловыми ветками, не иначе по весне вылезут тюльпаны и нарциссы.

На детской площадке сидели две мамы с колясками, в песочнице ползал симпатичный карапуз в розовой шапочке с помпоном. Маруся очень любит общаться с детьми, но вот взрослые реагируют на нее не всегда адекватно.

– Туда нельзя, – сказала я Марусе, и она погрустнела.

Мы пошли прямо по газонам, усеянным желтыми и красными кленовыми листьями. Клены были те же самые, но как же они выросли за двадцать лет!

Маруся оживилась и побежала вперед.

– Только не убегай далеко! – крикнула я и огляделась.

Где-то здесь, в этом углу парка, было место, куда мы, ученики художественной школы, приходили на этюды.

На самом деле это были такие же занятия, только в теплую погоду на улице. Сейчас та поляна, где сидели мы на складных стульях, заросла густыми кустами шиповника, и там, в кустах, было заметно какое-то шевеление.

– Маруся, ты где? – крикнула я, обогнула кусты и увидела такую картину.

На складном стуле сидел мужчина в теплой куртке с капюшоном, перед ним стоял мольберт. Рукой с кистью мужчина отбивался от моей красавицы.

Маруся, мой золотистый ретривер, очень красивая, но не в меру любопытная! Ей все интересно, поэтому ей нужно не только посмотреть, но и потрогать... носом или лапами. Обычно люди относятся к ней с пониманием, но в данном случае она пыталась опрокинуть этюдник, так что в сердитом окрике мужчины был свой резон.

– Маруся, немедленно перестань! – Я подбежала к мужчине и схватила эту хулиганку за ошейник.

– Вы извините, она не хотела ничего плохого, просто посмотреть... – заговорила я.

– Да я вообще-то собак не боюсь, – ответил он, – только вот краски размазала...

– Вот видишь, что ты наделала, испортила картину! – не на шутку рассердилась я.

– Да это еще не картина! – Мужчина рассмеялся, потом повернулся ко мне, и тут лицо его переменялось, на нем проступило странное выражение.

– Катя? – неуверенно спросил он. – Катя Плотицына?

Я вздрогнула, услышав от постороннего человека мое имя и фамилию. Точнее, фамилия-то была моя, но прежняя, уже лет пятнадцать, как я ношу другую. Ага, как раз завтра будет пятнадцать лет... А я и забыла. И все забыли. Ну, теперь это не важно.

Я внимательно всмотрелась в лицо мужчины. Обычное лицо, красное от ветра, а брови светлые, выгоревшие. Возраст примерно как мой, ну да, раз он меня помнит по старой фамилии, стало быть, мы с ним в школе учились. Судя по мольберту, в художественной школе. Вот в этой вот самой.

– Не узнаешь меня, – расстроился мужчина, – а если так?

Он встал и откинул капюшон куртки. Эти волосы, как у рассерженного ежа иголки, я не могла не узнать.

– Бобрик! – закричала я. – Мишка, это ты?

– Я! – Он раскинул руки, и я бросилась бы ему в объятия, если бы не Маруся.

Она очень не любит, когда меня кто-то трогает. Такая привычка появилась у нее не очень давно. Вообще Маруся с дет-

ства была очень ласковая и игривая, как все щенки ретривера. И очень добродушная, всех любила и привечала. И все без малого пять лет, которые Маруся живет на свете, она такой и была.

Пока Вадим окончательно не сошел с катушек и не начал устраивать дома цирк.

Это я так мягко выражаюсь, на самом деле это был не цирк, а форменный кошмар. Пока он орал и ругался, Маруся пряталась в ванной, она очень не любит шума. Особенно не любит, когда человек теряет лицо и выходит из себя.

Тем более что раньше в нашем доме такого никогда не случалось, я, женщина спокойная и выдержанная, умела гасить раздражение мужа, когда он приходил домой злой после тяжелого дня. То есть умела раньше. Точнее, я так думала. Как выяснилось, я ошибалась.

Когда Вадим поднял на меня руку, с Марусей случилась истерика. В ее собачьей голове никак не укладывалось, что хозяин может причинить вред хозяйке. То есть нельзя сказать, что они с Вадимом были раньше неразлейвода, но все-таки.

Собственно, щенка купили для Андрюши, но ему быстро надоело убирать лужи и искать по квартире изгрызенные предметы, так что Марусей занималась я.

В тот раз едва не пришлось вызывать скорую ветеринарную помощь. Вадим плюнул и ушел из дома, хлопнув дверью, Марусе я дала успокоительные капли, а сама безуспеш-

но пыталась что-то сделать с распухшей щекой.

Мы продержались еще пару недель, но Маруся с тех пор не отходила от меня ни на шаг, а когда Вадим снова принялся за свое, она его укусила. Так, цапнула легонько, но он схватил стул и всерьез пообещал, что размозжит моей псине голову, если я не отвезу ее к ветеринару, чтобы немедленно усыпить.

Он был в такой ярости, что я пообещала все сделать, как он велит. Тогда я здорово испугалась.

Он снова ушел из дома, к тому времени он давно уже не оставался на ночь, а я стала собирать вещи. Я погрузила в машину два чемодана и Марусю и уехала в родительскую квартиру.

Это было десять дней назад, с тех пор Маруся стала гораздо спокойнее, только не выносит, когда я с кем-то близко общаюсь.

Правда, до этого мы в основном проводили время только вдвоем, даже с другими собачниками не встречались, Марусе вполне хватало моего общества.

Все эти мысли промелькнули у меня в голове за секунду, и я, так сказать, остановилась на полпути. Но все равно псина вклинилась между нами и легонько рыкнула на Бобрика.

Мишка Бобров по кличке Бобрик, мы с ним пять лет проучились в художественной школе и столько же времени провели в этом парке, рисуя клены и кусты сирени!

– Что это с ней? – Мишка воззрился на Марусю.

– Ой, извини, она очень не любит, когда ко мне близко

кто-то стоит... – Я вовремя удержалась, чтобы не сказать, что Маруся не терпит только мужчин рядом со мной.

Тогда придется рассказывать про свое нынешнее семейное положение, а уж этого я точно не хочу делать.

– Охраняет, значит... ну что ж, это хорошее дело... – Бобрик показал Марусе пустые ладони. – Да не волнуйся ты, ничего плохого я твоей хозяйке не сделаю.

Вы не поверите, но Маруся слегка усовестилась и смущенно отошла в сторонку. Все же я не стала рисковать и только легонько погладила Бобрика по плечу.

– Рад тебя видеть! – сказал он, и я поняла по его тону, что это так и есть.

– Да, – сказала я, осторожно подбирая слова, – теперь тут живу, в квартире родителей.

– Роман Петрович...

– Отец умер три года назад...

– Я слышал, что болел он тяжело...

– Да, после инсульта так и не оправился. А как ты? – Я решила сменить тему.

– Да я... Слушай, Катерина, что мы на улице-то? Я замерз, третий час уже тут торчу, все солнца ждал, да, видно, не будет больше солнца. Пойдем тут недалеко кофе выпьем и поговорим.

Я помедлила чуть-чуть. С одной стороны, очень не хотелось рассказывать Мишке про свою жизнь. С другой – хотелось поболтать о прошлом, вспомнить общих знакомых и

вообще посидеть в тепле с чашкой кофе... Как приятно.

Я осознала, что тоже замерзла, все-таки на дворе октябрь, а нам гулять нужно еще часа полтора, Васильич сказал, что раньше никак не управится. Будет сверлить или штробить, я толком не поняла, знаю, что шумно и много грязи. А Маруся боится громкого шума, так что мы уходим из квартиры.

– Да я бы с радостью! – вырвалось у меня. – Но ведь с собакой не пустят.

– Пустят, – успокоил меня Мишка. – Пойдем!

Он быстро собрал свои кисти и краски, повесил этюдник на плечо и приглашающе махнул рукой:

– Тут недалеко!

Кафе было новое – стеклянный павильончик на выходе из парка, раньше там ничего не было. Днем там и народу было всего ничего, так что Бобрик оставил нас на улице, а сам удалился внутрь на переговоры, которые оказались весьма успешными, поскольку тут же выскочила симпатичная полная блондинка моего примерно возраста и поманила нас внутрь. Мишка уже сидел в самом дальнем углу.

– Вот только ради Михаила нарушаю! – сказала блондинка. – Опять же, собачка уж очень милая.

Маруся нацепила на морду самое приятное выражение и едва ли не присела в церемонном поклоне.

Мы уютно устроились в уголке, и через десять минут блондинка принесла две чашки кофе, Михаилу огромный бутерброд с ветчиной и сыром, а мне – булочку с марципа-

НОМ.

– Вот, познакомься, Лариса, подруга моя школьная! – сообщил Бобрик. – Лет двадцать не виделись!

Лариса улыbnулась приветливо, из чего я сделала очевидный вывод, что нет у нее на Бобрика никаких видов, просто так она к нему хорошо относится.

Пока он ел, я направила беседу в нужное русло. Не касаясь опасных тем, я расспрашивала о школе и о прежних соучениках.

– Школа, как ты видела, никуда не делась, – рассказывал Мишка, – расширилась даже, еще классов прибавили, я там преподаю время от времени.

– А Леонида Пална? Жива?

Такое имя было у нашей директрисы, которая преподавала в школе историю искусств.

– Жива, что ей сделается! Каждую весну грозитя на пенсию уйти, а потом осенью снова на рабочем месте.

Дальше мы перебрали старых знакомых, кто где, Мишка знал про многих.

– А ты сам как? – спросила я, чтобы он не задал этот скользкий вопрос мне.

– Да как... закончил академию, работал где-то от случая к случаю, реставратором, художником-оформителем, потом в школу вот устроился преподавать. Пишу помаленьку, в выставках участвую, персональную готовлю.

– Здорово! – искренне сказала я. – Всегда знала, что из

тебя получится что-то стоящее.

– А ты? – начал было он, и настроение у меня тут же упало.

Надо же, а как хорошо было сидеть тут, в тепле, пить кофе и разговаривать. Впервые за долгое время туго скрученная пружина внутри меня не то чтобы распрямилась, но чуть ослабла.

Стало чуть легче дышать, ужасные воспоминания слегка подернулись дымкой, в ушах перестали звучать крики мужа, перед глазами не стояло его лицо, искаженное злобой и ненавистью.

Бывшего мужа, тотчас поправила я себя. Точнее, официально пока не бывшего. Только об этом лучше не думать. А пока отговориться занятостью и недостатком времени и поскорее уйти.

Положение спасла Маруся. Она положила голову Бобрику на колени с намерением выпросить кусок ветчины, от моей булочки ей не было никакой пользы.

– Ох ты, моя хорошая! – расчувствовался Мишка.

– Ей нельзя ветчины! – тут же спохватилась я. – Сыру можешь дать, только маленький кусочек.

– Маруся... – умилился он, слыша чавканье под столом. – А полное имя как?

– Ты не поверишь, – вздохнула я. – Марсельеза! Она породистая очень, с таким именем ее и купили.

– Как? Марсельеза? – Мишка захохотал и тут же запел на мотив «Марсельезы»:

– Отречемся от старого ми-и-ра, отряхнем его прах с наших ног!

– Мишка, не надо! – взмолилась я. – Прекрати сейчас же! Это плохо кончится!

Но он меня не слышал и самозабвенно выводил:

– Нам не нужно золотого куми-и-ра, ненавистен нам ца-ар-ский черто-ог!

Надо же, слова какие-то знает...

– Мы пойдем по следам наших братьев...

И вот тут началось. Маруся, прожевав сыр, вылезла из-под стола, села, аккуратно расположив лапы и... завыла. Я-то знала, что это она так подпевает своей любимой песне, но непосвященным людям эти звуки слышались воем.

– Что это с ней? – подбежала Лариса.

– Это она так поет, – обреченно объяснила я.

– Так, замолчали оба! – приказала она, мигом уразумев ситуацию. – У меня все посетители разбегутся!

И то верно, заглянули в кафе две интеллигентные пожилые дамы, но, увидев самозабвенно завывающую Марусю, решили не рисковать и ушли.

Ларису эти двое послушались, и в кафе хотя бы на время установилась тишина.

– Она всегда подпевает, когда «Марсельезу» поют, привыкла уже, потому что люди как узнают ее полное имя – так сразу петь начинают, – объяснила я. – Кстати, Мишка, откуда у тебя такой текст? Обычно по-французски поют или просто

ла-ла-ла.

– А это мне бабушка в детстве вместо колыбельной пела, – ухмыльнулся он.

Внимая строгому взгляду Ларисы, мы решили уйти, а то и правда у нее неприятности будут.

– Слушай... – заговорил Мишка, когда мы шли по дороге к моему дому, – ты не думай, что я в душу лезу, но один вопрос все же задам. Ты за эти годы кисть в руках вообще не держала?

– Так получилось... – голос мой против воли дрогнул, – как переехала от родителей, так и забросила все. Как-то не до того было, работа, потом... потом совсем другая жизнь была...

– Жаль... – протянул Михаил, – помню я твои работы, что-то в них было такое... стоящее. В общем, слушай, тут такое дело... Есть такая Милана Вуячич, ты ее не помнишь, она школу нашу окончила за пять лет до нас?

– Да откуда же я ее помнить могу... хотя... вроде бы фамилия знакомая...

– Не важно. В общем, у нее своя художественная галерея тут неподалеку. Так, небольшая, но такое место хорошее, в общем, по старой памяти она нас привечает, работы наши берет, персональную выставку мне обещала. Но вот через неделю как раз у нее выставка открывается «Город позавчера».

– Это что за название? – усмехнулась я.

– В том смысле, что работы молодых художников, сделанные лет двадцать или двадцать пять назад.

– Ну а я-то тут при чем? – Я пожалала плечами.

– А при том, что ты как раз столько лет назад школу нашу окончила. И помню я твои работы, особенно один дом старый, который вон там находился. – Мишка махнул рукой в сторону.

– Да? Неужели помнишь? – оживилась я. – А что там теперь, стоит дом еще?

– Да о чем ты говоришь? Его лет пятнадцать назад окончательно расселили, потом его бомжи заняли, вскоре их полиция выгнала, заварили все двери, окна забили наглухо, и поселились там одни крысы. Причем такие крупные – мама не горюй! Люди из окрестных домов жаловались, что ходят они вокруг дома прямо стадами, ночью мимо пройти страшно. Кошки бездомные куда-то все подевались, и вроде бы даже собачки маленькие стали пропадать.

– Ужас какой!

– Угу, потом крыс не то потравили, не то они сами ушли на новое местожительство, а потом уже дом бульдозерами разломали, все место расчистили и на том месте сделали рынок. То есть поставили несколько павильонов, ерундой разной торгуют.

– Жалко, дом такой замечательный был.

– Вот и я о том же! А ты его все рисовала, так неужели ничего не сохранилось?

– Да я не знаю... Может быть, где-то валяется...

– Брось, я-то знаю, что твой отец не мог твои работы выбросить! Он в этом понимал...

Я отвернулась. Если бы он знал, каким был отец два последних года после инсульта... И эта его мадам...

Мама умерла, когда я училась на третьем курсе института. Онкология, очень агрессивная. Болезнь протекала у нее удивительно быстро. Поначалу она бодрилась, надеялась на лучшее, и врачи обещали, что все у нее будет хорошо.

Она никогда не жаловалась, прошла лечение, и вроде бы все наладилось, она даже на работу вышла, а потом...

До сих пор не могу спокойно вспоминать, как утром позвонил отец и сказал чужим голосом, что мама умерла. Я еще долго не могла понять, что он имеет в виду, пока он не заорал на меня, что утром нашел ее в ванной на полу уже холодную. Врачи потом сказали: сердце не выдержало, и она умерла мгновенно, не страдала. Впрочем, они всем родственникам так говорят.

Я тогда снимала квартиру с одним парнем, не от большой любви, а просто захотелось пожить отдельно от родителей. Не получила я от него ни теплых слов, ни утешений, ни поддержки, да, в общем, не очень на это и рассчитывала, поэтому собрала вещи, не дожидаясь конца месяца, и ушла к отцу.

Теперь я понимаю, что ему пришлось тяжелее, чем мне, он маму нашел. И винил себя, что спокойно спал, когда она умирала.

В общем, он начал пить, потом уволился с работы, мы ссорились, потому что у меня тоже испортился характер.

К тому времени я нашла уже приличную работу и заговорила об обмене квартиры. Отец, разумеется, не согласился, а потом попал в больницу, потому что его сбила машина. Водитель нанял адвоката, отец был пьян, так что в полиции и разбираться не стали, прикрыли дело по-тихому.

Отец долго лежал в больнице с черепно-мозговой травмой и, как ни странно, выжил и остался нормальным человеком.

Вот именно в больнице он полностью переменялся, бросил пить, устроился потом на работу. Только мы с ним никак не могли ужиться, так что я переехала к своему очередному парню... как же его звали... неужели забыла?

– Кать, ты про меня забыла, что ли? Очнись!

Оказывается, мы с Мишкой стоим на переходе уже минут десять, а я застыла в ступоре.

– Извини, – я потрясла головой, – просто вспомнила, как отец болел.

– Это ты меня извини, – Бобрик приобнял меня за плечи, – извини, что я рану стал беречь...

Так мы и пошли через улицу, обнявшись, и можете мне не поверить, но Маруся послушно трусила рядом и не пыталась на Мишку рычать и кусаться.

– Слушай, Катерина, – втолковывал он, – я, конечно, понимаю, что у тебя сейчас настроение не то, но преодолей себя и все же поищи свои картины, потому что, если мы зав-

тра их не принесем Милане, она потом их не примет. Выставка почти готова, картины все у нее, так что потом, когда их окончательно разместят, перевешивать ничего не будут. Поняла мою мысль?

– Поняла, – вздохнула я, – поняла, что с тобой спорить – себе выйдет дороже...

– То-то же, лучше сразу согласиться!

Когда мы подошли к моему подъезду, Мишка все же сумел вырвать у меня обещание, что я сегодня же найду свои старые картины и вечером ему позвоню.

А если нет, то он утром сам позвонит и придет, чтобы помочь мне картины донести до Миланиной галереи. А с ней он договорится.

Квартира встретила нас с Марусей пустотой и тишиной. Васильич на мой вопрос по телефону сказал, что на сегодня он закончил и придет завтра утром и чтобы я не пускала собаку в большую комнату, потому как там все розетки сняты, а любопытная псина обязательно сунет мокрый нос куда не нужно.

Замка на двери в комнату не было, так что я заклинила ручку стулом, да еще на всякий случай связала ее с ручкой ванной.

В ванной комнате было нечего делать, потому что там не было ни ванны, ни раковины, подсыхал только цемент на полу.

Маруся удалилась на кухню, чтобы перекусить, а я со вздохом посмотрела на антресоли.

Ну да, я прекрасно знаю Бобрика, не зря пять лет мы просидели с ним рядом на этюдах и на занятиях в художественном классе. Если он что-то втемяшит себе в голову, его от этой мысли никакими силами не уведешь. Вот и сейчас – если он решил уговорить меня участвовать в выставке, проще согласиться...

Значит, хочешь не хочешь, мне придется искать свои старые работы...

Честно говоря, мне и самой было интересно на них взглянуть, вспомнить свое давнее увлечение.

Я вообще-то помнила, куда спрятала все связанное с тем периодом своей жизни. На антресоли в этой самой квартире. Как раз когда забирала кое-какие вещи уже после свадьбы с Вадимом. Тогда я была уверена, что не вернусь сюда больше никогда. Что ж, пятнадцать лет – срок приличный, и все это время мои вещи лежали на антресолях.

Бобрик прав – отец никогда бы их не выбросил.

Я притащила из кухни старую крепкую табуретку, удивительно некрасивую, но удивительно прочную.

Черт ее знает, каким чудом она уцелела – видимо, как раз для таких целей, если нужно ввернуть лампочку или залезть куда-нибудь на верхотуру, современные стулья не годятся, да и жалко их. Васильич табуретку очень хвалил, теперь, говорил, такую и взять негде, не делают их больше...

Короче, я поставила ее в коридоре, вскарабкалась на нее и открыла антресоли.

Оттуда сразу пахнуло прошлым – слежавшейся пылью, старыми газетами и пиненом.

Если кто не знает, пинен – это самый ходовой растворитель, которым пользуются все живописцы. Делают его, если я не ошибаюсь, на основе скипидара, и запах у него – мама не горюй. Все, кто причастен к живописи, пропахли им надолго, если не навсегда.

Кстати, это было одной из причин, по которой я бросила живопись, когда вышла замуж.

Говорят, запахи сильнее всего пробуждают воспоминания, и вот сейчас мне столько всего вспомнилось...

Маруся тоже почувствовала запах пинена и прибежала в коридор, уселась рядом с табуреткой и задрала морду – что это там задумала хозяйка и чем это пахнет?

– Сиди спокойно! – прикрикнула я на нее, приняухалась и устремилась прямо на неизгладимый запах растворителя.

И очень быстро нашла среди всякого барахла старый большущий кожаный чемодан.

Чемодану этому не меньше ста лет, он каким-то образом сохранился в нашем доме, и когда мне пришлось в голову избавиться от всего, связанного с живописью, я поступила очень просто – сложила все в него и отправила на антресоли.

И вот сейчас я потащила его на себя.

Чемодан был тяжеленный, и табуретка подо мной угрожа-

юще зашаталась.

Маруся заволновалась, забегала вокруг меня, тихонько поскуливая.

– Сиди... сиди смирно! – пропыхтела я, выволакивая чемодан на свет божий.

Каким-то чудом табуретка устояла, и я грохнула чемодан на пол, едва не прищемив Марусе хвост.

Она обиженно твякнула и отскочила.

Я слезла с табуретки, перевела дыхание и открыла чемодан.

Здесь было два этюдника, перемазанный давно засохшей краской мольберт (наверное, его сейчас можно выставлять как объект авангардного искусства), бутылка того самого пинена, несколько десятков тюбиков с красками, использованных и новых. Я перебирала эти тюбики и вспоминала... берлинская лазурь, жженая кость, умбра, сурик... этюды, работа на природе, натюрморты...

Внизу, под всем этим богатством, лежала большая картонная папка с завязками.

Вот оно, то самое, что я искала, – большая папка с моими уцелевшими работами!

Я вытащила папку из чемодана, положила на пол, развязала завязки, открыла...

Маруся, конечно, тут же сунула в папку свой влажный нос.

– Маруся, – строго проговорила я, – давай договоримся. Смотреть можно, но трогать – ни-ни! Ни лапой, ни носом!

Это как-никак произведения искусства!

Моя псина фыркнула, но убрала нос подальше.

А я стала перебирать работы.

Сверху лежали несколько робких ученических этюдов – глиняный горшок, ваза с яблоками.

Я сохранила их из сентиментальных побуждений – чтобы помнить, с чего все начиналось.

Дальше... дальше были тоже этюды, но более сложные.

Вот кони на Аничковом мосту, вот Казанский собор...

А вот более скромные объекты – старая картонажная фабрика, подъемные краны в порту, баржи на Малой Невке, рыболовы возле Тучкова моста...

Это когда я поняла и почувствовала красоту скромных, неприязательных вещей и людей.

Осторожно переложив десятка два старых работ, я увидела кое-что знакомое.

Дом с башенкой, как я называла его в детстве.

Этот дом стоял когда-то в конце нашей улицы. Мишка сказал, что его давно уже снесли, теперь на том месте построили торговые павильоны, а когда-то этот дом был главным объектом моих интересов.

Началось все, когда мне было три с половиной года.

Мы с мамой пошли гулять, и тут мама встретила тетю Свету – свою давнюю знакомую, которая жила в соседнем доме. Они сцепились языками, а я стояла возле маминой юбки и скучала.

Потом я увидела кое-что очень интересное: рыжая кошка несла за шкурку маленького рыжего котенка.

– Что ты делаешь, киса? – проговорила я строго. – Ему же больно...

Может быть, я выразила свою мысль не так четко, но так уж мне запомнилось.

Кошка не обратила на мои слова никакого внимания, и тогда я пошла за ней, чтобы навести порядок в кошачьем семействе.

Мама продолжала болтать и не заметила моего исчезновения, как и тетя Света.

Я шла за кошкой, и шла, и шла, а потом кошка юркнула в подвальное окно, а я туда не смогла пролезть.

Я огляделась по сторонам.

Мамы поблизости не было, и нашего дома не было, а был рядом со мной большой и красивый дом с удивительной башенкой.

Потом он уже не казался мне таким большим – должно быть, я сама выросла.

Я еще раз огляделась.

Мамы по-прежнему не было.

Тут передо мной возник чрезвычайно сложный вопрос: плакать или не плакать?

С одной стороны, во всяком трудном положении я плакала, и мама тут же приходила на помощь...

Но с другой стороны, как раз мамы сейчас не было, а если

мамы нет, то кому плакать?

Я подумала немножко и все-таки решила заплакать – так, на всякий случай.

И метод сработал: возле меня появился большой человек с густой бородой.

Я прежде видела человека с бородой – это был Дед Мороз. Но этот человек совсем не был похож на Деда Мороза, у него не было длинной шубы и шапки, хотя пахло от него похоже – как я позже узнала, мужским одеколоном и коньяком.

– Детка, что ты плачешь? – спросил он большим, гулким, мужским голосом.

– Я плачу не тебе, – ответила я недовольно, – я плачу маме!

– Но где же твоя мама?

– Она потерялась.

– Может быть, это ты потерялась?

– Дядя, ты что – совсем глупый? Как же я потерялась, когда я – вот?

– Логично! – согласился незнакомец. – А ты знаешь, детка, где ты живешь?

– Конечно, знаю! – возмущенно проговорила я. – Я же ведь не маленькая!

– Ну и где же ты живешь?

– Я живу дома!

– Это понятно. А в каком доме? Ты не помнишь его номер? Или номер квартиры?

Я замолчала и снова начала всхлипывать.

Ну, я не маленькая, но все-таки он от меня слишком много хочет!

– Ну, не плачь, не плачь... мы что-нибудь придумаем...

Но мне уже трудно было остановиться, я плакала все громче, все горше...

– Ну, не надо, не надо... – бормотал бородач. – Понимаешь, я не умею обращаться с маленькими детьми... ну, хочешь, я тебе покажу очень красивую вещь?

Я кивнула сквозь слезы.

Он взял меня за руку и повел на крыльцо, потом в двери того самого дома, мы вошли внутрь и оказались в большой комнате.

Сперва эта комната показалась мне некрасивой.

Мебель в ней была темная, у столов и кресел – звериные лапы, обивка темной потертой кожи.

На стенах висели картины, тоже некрасивые – не цветы и не маленькие котята, а какие-то незнакомые, неприветливые строгие люди в старомодных костюмах...

Но все же это было интересно, и плакать я перестала.

– Ты не вспомнила свой адрес? Может быть, ты помнишь, что видела из своего окна?

– Собачку, – ответила я не задумываясь. – Собачку с косточкой.

– Она приходила гулять под твоим окном?

– Нет, зачем ей приходиться! Она там всегда!

– Всегда? – переспросил он.

Мне надоели эти расспросы.

– Ты обещал мне показать какую-то красивую вещь! – напомнила я незнакомцу.

– Да, конечно, раз обещал – непременно покажу!

Он открыл один из шкафов, достал оттуда круглую коробку, из нее вынул какую-то и правда интересную вещицу – круглую, ажурную, золотистую, по бокам которой были вырезаны лошадки и птички, а в середине какая-то прозрачная вещь вроде лампы...

Я первый раз видела такое, но в голове у меня прозвучало название – золотая карусель...

Не знаю, откуда взялись эти слова – может быть, их произнес бородатый человек...

Тем временем незнакомец поставил эту вещицу на стол, зажег спичкой лампу и погасил верхний свет...

Золотая карусель начала медленно вращаться – и тут же по стенам комнаты побежали лошадки и птицы, они неслись по кругу друг за другом, друг за другом... а потом на стенах комнаты появились удивительные светящиеся картинки.

Красивые всадники на чудесных лошадях ехали по цветущей степи, перед ними бежали собаки, а впереди летели яркие, удивительные птицы...

Приглядевшись к этим птицам, я увидела, что у них лица прекрасных девушек, а потом они запели...

А потом... потом они стали трясти меня:

– Проснись, Катюша! Проснись!

И я проснулась – хоть мне очень не хотелось.

Возле меня стояла мама, лицо у нее было такое, как будто она только что плакала. Но ведь этого не может быть, так не бывает, мамы же никогда не плачут!

Сейчас она не плакала, сейчас она то ли радовалась, то ли сердилась на кого-то.

Рядом с ней стоял тот самый большой бородатый человек, и мама то ли благодарила его, то ли отчитывала.

– Спасибо вам, конечно, большое... – бормотала мама растерянно, – но зачем вы ее сюда привели...

– А куда? На улице холодно, своего адреса она не знала... хорошо, что она вспомнила собаку...

– Какую еще собаку? – переспросила мама, нервно кусая губы.

– Собачку с косточкой! – подсказала я.

– Какую еще собачку? С какой косточкой? И как это вам, интересно, помогло?

– Это рекламный плакат, – ответил мужчина. – Реклама собачьего корма... я увидел его издалека, подошел к этому плакату – и тут увидел вас...

Мама бегала по улице и спрашивала всех встречных, не видели ли они маленькую девочку. Тут к ней и подошел бородатый дяденька и привел к себе...

– Спасибо вам... – нервно повторила мама и резко повернулась ко мне: – Никогда больше так не делай! Ты так меня

напугала! Ну зачем, зачем ты убежала?

– Я пошла за кошкой, она несла котенка, ему было больно, а ты разговаривала с тетей Светой...

– Что? – Мама вдруг покраснела. – Глупости, ничего я не разговаривала... ну, может быть, два слова... не слушайте ее, она сама не знает, что говорит...

– Ну да, ну да... я не слушаю...

– Ну все, котенок, пойдем! – Мама взяла меня за руку и повела из этой комнаты, из этого дома.

Под конец я обернулась и увидела картину, которая навсегда отпечаталась в моей памяти: старый дом с башенкой и на пороге – большой мужчина с бородой...

Мама вела меня домой, очень сильно сжимая руку. Наконец я не выдержала и сказала:

– Мамочка, мне больно!

– Глупости... – ответила она, но немного ослабила хватку. – А зачем ты убежала?

– Я не убежала! Я пошла за кисой...

– Слышала уже! А этот дядя... он не сделал тебе... не сделал ничего плохого?

– Нет, он только показал мне золотую карусель.

– Да? Ну ладно... только обещай мне, что больше никогда не будешь сюда ходить!

Я пообещала – но не сдержала свое слово. Слишком приятательным был этот дом.

– Эльза! – крикнул мастер Фридрих, оторвавшись от работы. – Эльза, где ты там пропадаешь? Эльза, я, кажется, тебя зову!

Дверь скрипнула, и старая служанка возникла на пороге мастерской, вытирая руки передником.

– Ну и чего вам надобно, господин? – прокаркала она своим скрипучим голосом.

– Мне надобна тишина! – раздраженно ответил хозяин. – Я тысячу раз повторял, что мне нужна тишина во время работы, особенно такой важной и спешной, как сейчас! Ты знаешь, что я делаю музыкальную шкатулку для господина советника Люциуса... не какую-нибудь обычную шкатулку, а чрезвычайно тонкую, со многими хитрыми устройствами, а для такой тонкой работы потребна исключительная тишина, потому как это заказ не какого-нибудь булочника или колбасника, а для господина советника...

– Да хоть для самого архиепископа! – перебила его служанка. – Можно подумать, что это я подняла шум!

– А кто же еще? Весь шум в этом доме всегда происходит от тебя! То ты гремишь кастрюлями, то стучишь вальком для стирки, то кричишь на младших служанок...

– Можно подумать, что обед приготовится сам, а ваши сорочки сами себя постирают! Но сегодняшней шум происходит не от меня. В город приехал какой-то торговец с Востока, и это его караван производит столько шума!

– Какой еще торговец? – переспросил мастер Фридрих, с

трудоm скрывая любопытство.

– А я знаю? – Эльза пожала толстыми плечами.

– Ты всегда все знаешь. Служанки все узнают одна от другой.

– Я знаю только, что он прибыл из каких-то далеких стран, из владений турецкого султана, что он несметно богат и собирается открыть торговлю у нас в Нюрнберге. Да вот, вы сами можете увидеть караван с его товарами, он как раз проходит под нашими окнами, и именно он производит шум, который вас беспокоил.

– Вот еще, – проговорил мастер Фридрих, пренебрежительно поджав губы, – у меня слишком много дел, чтобы разглядывать какой-то варварский караван! У меня в работе музыкальная шкатулка для самого господина советника...

– Слышали уже! – отмахнулась Эльза, поправляя фартук. – Не хотите – не смотрите, а я пойду на кухню, у меня суп закипает!

Едва дверь закрылась за служанкой, мастер Фридрих бросился к окну и отдернул занавеску.

По улице мимо его дома действительно тянулся удивительный, невиданный караван.

Там шли ослы и мулы в нарядных ярких пополах, нагруженные тюками и мешками, следом за ними медленно, неторопливо переступали длинными нескладными ногами огромные невиданные звери с горбатыми спинами и влажными

мечтательными глазами.

Эти сказочные существа несли столько грузов, столько тюков и кованых сундуков, сколько не унести и трем лошадям, и их упряжь тоже была украшена кистями и помпонами из красной шерсти, серебряными колокольцами и цепочками, издававшими при каждом шаге нежный печальный звон.

Один из горбатых зверей, словно почувствовав взгляд мастера Фридриха, повернулся к окну и издал громкий, протяжный рев.

Рядом с выючными животными шли погонщики – смуглые люди в ярких тюрбанах и длинных расшитых одеяниях.

Эти погонщики были так богато одеты, что их можно было принять за купцов, и у каждого за шелковый кушак были заткнуты кривая сабля или пара кинжалов.

Как же тогда выглядит хозяин всех этих богатств!

Голова каравана приблизилась к дому покойного советника Вестфаллера и остановилась.

Ворота открылись, и караван потянулся во двор.

В это время в коридоре раздались шаги, и мастер Фридрих поспешно вернулся к рабочему столу.

Я вынырнула из волны воспоминаний и снова взгляделась в свою старую работу.

А что, пожалуй, в ней что-то есть...

Я смогла уловить и передать в своей картине что-то самое

важное в этом доме.

Облезлые стены, покосившееся крыльцо, подслеповатые окошки и та самая башенка, которая дала дому его название – в этом было не жалкое ощущение нищеты и упадка, а таинственная прелесть красивого, благородного старения.

Так некоторые старики до самых последних дней сохраняют следы былого благородства.

Конечно, нарисовала я этот дом уже гораздо позже, в последнем классе школы, и был он уже совсем не тот, как когда я увидела его в первый раз. Тогда мне казалось, что дом этот шагнул на нашу улицу прямо из сказки, вот только я не могла еще сообразить, из какой конкретно, так как была очень мала. А вот потом...

Тут Маруся, которой надоело, что на нее не обращают внимания, довольно ощутимо толкнула меня в бок, так что картина едва не вывалилась из рук.

Я отложила картину в сторону.

Пожалуй, ее не стыдно будет представить на выставку... Хотя... ну какой из меня художник? Но раз Бобрик вбил себе это в голову, то легче согласиться, чем... но про это я уже говорила.

Ночью я крепко спала, что случилось впервые после того, как мы с Марусей переехали в эту квартиру.

Вот, казалось бы, здесь полный раздрай, ремонт, не хватает самых необходимых вещей вплоть до кровати, но до сего-

дняшнего дня впервые за много месяцев я чувствовала себя спокойно и спала как убитая.

Маруся, кстати, тоже, так что иногда мы даже не слышали звонка Васильича.

Васильич – ранняя пташка, встает в шесть утра и к семи уже бодр и полностью готов к работе. Так что, послушав пару раз его ворчливые неодобрительные монологи на тему молодых женщин, которые предпочитают валяться в кровати до девяти утра в обнимку с собакой, а потом жалуются, что никак им не устроить свою личную жизнь, я просто дала ему ключи от квартиры.

Тем более что тетя Света за него ручалась – дескать, честный, работающий и непьющий. Так оно и оказалось, кстати.

Но он обязательно звонит в дверь, прежде чем воспользоваться ключами, потому что Маруся хоть и хорошо к нему относится, утром может и нарычать.

Смешно, что я, взрослая и по некоторым меркам уже не совсем молодая женщина (крути не крути, а два месяца назад мне исполнилось сорок два года), называю кого-то тетей. Но вот привыкла так с детства, и уже поздно переучиваться.

Тетя Света жила в соседнем доме и была подругой моей мамы, а когда ее не стало, пыталась как-то помочь отцу. Он, кстати, помощи ее не принял, да и я тоже.

В общем, как-то мы с ней разошлись, а потом я вообще уехала из этого района. Так что общение наше свелось к ее звонкам в годовщину маминой смерти, тетя Света ни разу не

пропустила эту дату.

Про отца она все знала лучше меня, у нас старый район, многие живут здесь всю жизнь, и родители их тоже тут жили, так что все друг друга знают. С собаками на одной площадке гуляют, детей в один садик водят, на лавочке в одном дворе сидят... В общем, много точек соприкосновения.

Так что в какой-то раз тетя Света сообщила мне, что у отца живет женщина. Ей она не понравилась, потому что не вступала ни в какие разговоры во дворе.

Правда, на мой взгляд, это скорее достоинство, чем недостаток.

Я тогда была очень занята детьми, так что позвонила отцу только через пару месяцев. Он был в плохом настроении и разговаривал со мной неприветливо, скорее даже грубо, оказывается, я забыла про его день рождения.

И правда, нехорошо получилось тогда, но накануне Андрюша принес из садика вирус, его, конечно, подхватила Ирка, потом Вадим, а я переболела на ногах, потому что кто-то же должен был подавать им чай и апельсиновый сок в постель.

В общем, мы с отцом поругались и долго не общались. Время шло, та самая женщина, по сообщению тети Светы, все жила и жила, и тогда я все же выбрала время с ней познакомиться.

Встретила она меня нелюбезно, возможно оттого, что ожидала с моей стороны разговоров в смысле «понаехали

тут».

Ну да, была она из другого города, хорошо хоть не из другой страны, и с порога заявила мне, что на квартиру она не претендует и замуж за отца моего выходить не собирается. Выглядел отец так себе, но я списала все на возраст, потом мы выпили чаю с принесенным мною тортом и распрощались без сердечности.

А по прошествии еще некоторого времени отца хватил инсульт. И об этом я тоже узнала от тети Светы, его сожительница не удосужилась даже мне позвонить.

Зато, когда отца выписали из больницы, она позвонила мне буквально на второй день. И велела прийти срочно. Когда я прибежала в панике, не надеясь застать отца в живых, то обнаружила ее в прихожей с двумя чемоданами и сумкой.

Не давая мне даже взглянуть на отца, она сказала спокойным голосом, что уезжает в свой город к семье.

И не успела я поинтересоваться, какого же черта тогда она проторчала тут почти пять лет, если у нее есть семья, мадам пояснила, что семья ее состоит из мужа и двух дочек и что муж – законченный алкоголик с приступами белой горячки, так что жить с ним было невозможно. А недавно муж умер, и старшая дочка вышла замуж и собирается родить, так что ей незачем больше здесь оставаться.

Тем более что отец явно останется инвалидом, а на такое она не подписывалась.

И пока я хлопала глазами, она подхватила вещи и ушла.

Я не стану описывать мои мытарства с сиделками, это неинтересно, и хочется поскорее все забыть. Тетя Света, конечно, помогала, иногда даже с отцом сидела, пока я меняла сиделок.

Ему становилось все хуже, он перестал меня узнавать, потом вообще потерял память, а последний год лежал пластом.

Я не хочу вспоминать ни об этом, ни о том, какое неприличное облегчение я почувствовала, когда как-то рано утром позвонила очередная сиделка и сообщила, что отец умер.

После похорон я наскоро прибралась, выбросила кое-что из отцовских вещей и закрыла квартиру, чтобы появиться в ней только через три года.

Тетя Света уговаривала меня сделать простенький ремонт и сдать квартиру, она и жильцов приличных обещала найти, но мне все было недосуг. А точнее, не хотелось обращаться к мужу, поскольку своих денег у меня не было. Выйдя замуж, я ни дня не работала, о чем муженек мой (бывший) не преминул мне напомнить за последнее время раз сто, если не больше.

Когда я дошла в мыслях до замужества, то усилием воли приказала себе прекратить воспоминания.

Что же это такое, только немного успокоилась, перестала вздрагивать от телефонных звонков и прислушиваться, и вот снова-здорово. Как только начну вспоминать, что случилось со мной за последние два месяца, так снова придется пить успокоительные таблетки.

Вместо этого я постаралась представить себе тот самый дом, который видела много раз уже потом, когда выросла и приходила к нему одна, без опаски.

Ну да, старый большой дом, веранда, которой хозяин уже давно не пользовался, но сохранившиеся там несколько разноцветных стеклышек, покосившееся крыльцо с любовно вырезанными когда-то давно чьими-то умелыми руками фигурными столбиками, и окна с наличниками, всегда закрытые плотными занавесками, и сад, когда-то ухоженный и аккуратный, а потом кусты сирени ужасно разрослись, так что с дороги не было видно крыльца.

И высокое раскидистое дерево чуть в стороне... кажется, липа. Отчего-то в голове засело это название. И кормушка, висевшая на нижней ветке, куда зимой прилетали снегири и синицы, выполненная в виде круглой плетеной шкатулки... Шкатулки...

Тут перед глазами закружилась мерцающая золотая карусель, и я заснула.

Мишка позвонил около десяти, когда мы с Марусей уже прогулялись и купили бубликов в пекарне на углу.

– Заходи уж, – сказала я, – чаю попьем, потом пойдем.

Какую-то посуду и еще обиходные вещи я после смерти отца отдала сиделке, я ведь думала, что никогда не вернусь в эту квартиру. Так что сейчас пришлось купить электрический чайник и набор обычных керамических кружек, да тетя

Света дала пару кастрюль из своих безграничных запасов.

Впрочем, Мишка и мальчишкой был небалованным, таким он и остался.

Пока я наливала ему заварку из чайника с отбитым носиком, кажется еще мамино, Мишка аккуратно разрезал бублик вдоль и щедро намазал его маслом, потом положил сыр, нарезанный полукружиями, сложил две половинки и любовался результатами своей работы. Причем лицо у него было такое, что я едва не поставила чайник мимо стола, потому что глаза застили слезы.

– Кать, ты чего? – Мишка испуганно положил бублик на стол.

– Ничего... – Я потрясла головой и быстро заморгала: – Ты и раньше так делал...

– Ну да, а что такое?

– Да ничего такого. – Я проглотила комок в горле и постаралась, чтобы голос не дрожал. – Извини, не обращай внимания.

– Вижу, что тебе досталось в жизни, – вздохнул он и покосился на бублик.

– Да ешь уже! – Я улыбнулась сквозь слезы. – И пойдем, пока я не передумала.

– Кать, если что нужно... – Мишка протянул руку, чтобы погладить меня по плечу и тут же ее отдернул, потому что Маруся предостерегающе зарычала.

– Понял. – Он сосредоточился на бублике, а я пошла оде-

ваться.

Прикинув, что куртка, в которой я гуляю с собакой, и старые потертые джинсы все же неприлично надевать в галерею, я достала из чемодана черные узкие брюки и кашемировый свитер, затем впервые за то время, что живу здесь, накрасила глаза и провела помадой по губам. Заколола волосы гладко и достала пальто. Оно было дорогое, купила я его в прошлом году в бутике, когда еще Вадим не жалел на меня денег.

Сейчас, посмотрев на пальто, я поняла, что оно совершенно не подходит к моему нынешнему имиджу. И к этой квартире, и к этому району, в общем, моя жизнь и пальто – это, как сказал классик, две вещи несовместные.

Поэтому я убрала пальто снова в шкаф, надела ту самую куртку (вещей у меня не так чтобы много, только то, что поместилось в два чемодана и сумку), отдала Бобрику папку с картинками, и мы ушли, с трудом уговорив Марусю остаться дома.

– И где же эта самая галерея? – спросила я Бобрика, оглядываясь по сторонам.

Мы подошли к мрачной арке, уходившей в глубину двора и больше всего похожей на беззубый рот старого великана.

– Вот здесь, в этом дворе.

– Мрачное место... – Я зябко поежилась.

– Зато колоритное. Здесь вполне ощущается атмосфера старого Петербурга... не парадного, как Дворцовая набереж-

ная или Невский, а того мрачного, таинственного...

– Петербург Достоевского! – подсказала я ему.

И правда, казалось, сейчас из подворотни выглянет Родион Раскольников с топором под полой.

– Ну, можно и так сказать.

– А по-моему, это просто отговорка, оправдывающая нежелание навести здесь порядок.

– Да ладно тебе...

Мы вошли в темный неуютный двор, куда наверняка почти никогда не заглядывает солнце, и сразу оказались на узкой дорожке, вымощенной желтым кирпичом – прямо как в сказке про Волшебника Изумрудного города.

На этой дорожке было крупными буквами написано:

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ГАЛЕРЕЯ «МИЛАН»

– Ну вот, кажется, пришли!

Вымощенная кирпичом дорожка привела нас в самый дальний, самый темный угол двора.

Там, в этом углу, громоздилась бесформенная груда ржавого металлолома.

– Что это, твоя знакомая даже перед открытием выставки не могла навести порядок? Не могла этот хлам куда-нибудь вывезти? Ведь его увидят все посетители!

– Ты что, Плотицына! – Бобрик фыркнул, потом опасливо огляделся по сторонам. – Хорошо, что тебя никто не слышал! Иначе твоя репутация как художника была бы погублена навеки! Надо же – хлам! Это не хлам, а художественная

композиция «Рождение красоты». Другими словами – концепт.

Он перевел дыхание и добавил:

– Между прочим, работа очень известного художника, Арсения Новоцерковского, большая художественная ценность! Милана очень гордится этим приобретением!

Он немного отступил от железной груды:

– Ты присмотришься – видишь, там, в середине, металлический цветок, преодолевая сопротивление материала, вылезает из клубка колючей проволоки? Он символизирует рождение красоты из мучительного хаоса повседневности... по крайней мере, так это трактует Милана, а она в таких вещах разбирается...

Он хмыкнул и добавил:

– Ты же знаешь, для каждого галериста и искусствоведа главное – это придумать концепцию, подходящую к производству искусства.

Я заново пригляделась к куче металлолома.

Действительно, при некотором уровне фантазии можно было разглядеть что-то похожее на железную розу, которая пробивалась сквозь ржавые колючки.

– А ничего, что эта композиция стоит под открытым небом? У нас в городе погода не очень, то дождь, то снег, так тут эта красота еще больше заржавеет.

– В том-то и дело! По замыслу автора, его композиция и должна быть выставлена под открытым небом, должна все

больше и больше ржаветь. Это, по его концепции, символизирует непрерывный упадок культуры под губительным воздействием общества потребления и агрессивной окружающей среды.

– А-а... Ну тогда ладно...

Мы осторожно обошли объект концептуального искусства, поднялись по крутым ступеням и вошли в помещение.

Бросив один только взгляд вокруг, я похвалила себя за то, что такая умная, потому что не надела дорожное пальто.

В галерее царил та атмосфера предпраздничного безумия, которая всегда возникает в галереях и выставочных залах незадолго до открытия выставки.

В углу бородатый маляр еще докрашивал стену, в то время как на других стенах уже были развешаны картины и графюры. Другие картины лежали на большом рабочем столе или стояли стопкой возле свободной стены.

В центре зала стояла крупная женщина с рассыпанными по плечам черными кудрями и темными маслянистыми глазами, облаченная в бесформенный комбинезон. По ее уверенному командному виду можно было сразу определить, что это хозяйка галереи.

Она внимательно оглядывалась по сторонам и командовала шуплому человечку с завязанными в конский хвост волосами:

– Эту сиреневую мазню перевесь левее... нет, повыше... нет, это ужасно... пока вообще убери...

Щуплый мужичок торопливо и послушно выполнял ее распоряжения, меняя местами одну картину за другой, некоторые отставляя к стене или откладывая на стол.

– А вот здесь нужно мрачное пятно... – продолжала хозяйка, склонив голову к плечу. – Нет, не то... и не это... совершенно не подходит, не сочетается...

Тут она наконец заметила нас с Бобриком и раздраженно проговорила:

– Михаил, ты не вовремя! Видишь, у нас здесь самая запарка... развеска не идет...

– Извини, конечно, Милана, – начал Бобрик, – понимаю, что отвлекаю от важного дела, но потом может быть поздно. Дело в том, что я привел к тебе замечательную художницу, чьи работы просто необходимо включить в экспозицию...

– Что?! – Милана уставилась на него темными маслинами своих глаз. – Ты с ума сошел? До выставки осталась всего неделя, мы уже каталог отдали в печать, развеска вовсю идет, и тут ты приводишь ко мне нового участника? Михаил, ты вообще долго думал? Нет, нет и нет! Об этом не может быть и речи!

– Но, Милана, ты должна хотя бы взглянуть на ее работы. Они просто замечательно вписываются в концепцию выставки! Она училась в нашей художке и писала здешние дома. И так хорошо уловила колорит времени, колорит этого района...

– Я сказала – нет! Ты можешь хоть иногда думать голо-

вой, а не другим местом? Слишком поздно! Даже если бы ты привел ко мне нового Поленова или Утрилло – я не могла бы ничего сделать! Говорю же тебе – мы заканчиваем развеску!

– Но ведь еще не закончили! Одну-две картины вписать ничего не стоит...

– Михаил, лучше не зли меня!

Я подумала, что Бобрик зря привел меня сюда. Ну да, захотел показать, какой он важный и влиятельный, а мне теперь из-за него придется терпеть унижение. А этого я за последнее время нахлебалась выше крыши, надолго хватит.

– Бобрик, пойдем отсюда! – Я потянула Мишку за локоть. – Ты же видишь, как она настроена. Все равно ничего хорошего не выйдет, только нервы всем испортишь...

Он только сбросил мою руку и прошипел:

– Не мешай! Я знаю, что делаю! – И тут же продолжил, обращаясь к хозяйке: – Милана, ты меня знаешь. От меня так просто не отделаешься. Если я чувствую свою правоту – я ни за что не уступлю, как все триста спартанцев вместе с царем Леонидом! Я не уйду, пока ты хотя бы не помотришь на ее работы!

Он перевел дыхание и закончил:

– Только помотришь – большего я не прошу!

Милана шумно вдохнула, потом так же шумно выдохнула и проговорила:

– Ну, Михаил... ну, Бобрик... умеешь ты достать человека! Ладно, показывай. Но учти – я ее все равно не возьму.

Даже если это новый Писарро...

Эта Милана мне не понравилась с первого взгляда, и только воспитанная за много лет выдержка помогла промолчать. И неудобно было перед Мишкой, он-то хотел как лучше...

Бобрик с победоносным видом подошел к столу, положил мою папку поверх чужих работ и открыл ее.

Сверху лежала та самая работа «Старый дом».

Облезлые стены, покосившееся крыльцо, подслеповатые окна... таинственная прелесть благородного умирания...

Милана замолчала и как-то подобралась, как охотничья собака при виде дичи.

– Ну что? – проговорил Бобрик, заметив перемену в ее настроении. – Я же говорил – то, что надо!

Тут подал голос щуплый мужичок с конским хвостом, который незаметно подошел и стоял за спиной Миланы:

– А ведь это как раз то мрачное пятно, которое просится на северную стену. То, чего ты хотела.

– Ты еще будешь... – фыркнула на него Милана. – Хотя... может быть, ты и прав. Эта работа идеально вписывается в концепцию выставки... просто идеально!

– Я же говорил! – радостно выпалил Бобрик.

Милана раздраженно взглянула на него, и я подумала, что он все испортил, но хозяйка все же протянула:

– Ладно, эту работу я, пожалуй, возьму... все же выставка открывается не завтра, а только через неделю. А каталог вообще еще не начали печатать, он к открытию все равно не

будет готов.

– А две другие? – проговорил Бобрик.

– Михаил, заткнись! – рявкнула на него Милана. – Ты не понимаешь хорошего отношения! Я ведь могу и передумать!

– Молчу, молчу!

– Вот и молчи! Если хочешь, дам тебе жевательную резинку! Одну эту работу беру – и на этом все!

Она повернулась к ассистенту и скомандовала:

– Ну-ка, повесь на то место, с которым мы мучились!

Он быстро пристроил мою работу на свободное место и отступил, любуясь.

– А что – пожалуй, так будет неплохо... – проговорила Милана и повернулась ко мне, как будто только сейчас заметила: – Так ты, значит, тоже в нашей художке училась? А что-то я тебя не помню.

Я хотела было сказать, что училась пятью годами позже, но вовремя прикусила язык – еще примет это за намек на возраст. Вместо этого я сказала:

– Ну, школа большая, всех не упомнишь...

– И то правда... – Она снова оглядела меня оценивающим взглядом и добавила:

– Вернисяж через неделю. У тебя есть что надеть?

– Поищу... – Я едва сдержалась, чтобы не усмехнуться.

– Понимаешь, эти художники – они одеваются черт знает во что, и это им прощают. Это вписывается в их образ. Но ты вроде нормальная, и если прилично оденешься – это будет

смотреться интересным диссонансом на их фоне.

– Найду что-нибудь... – Я все же улыбнулась, и она пригляделась ко мне более внимательно. Все же свитер на мне был почти новый, и джинсы хорошей фирмы, и ботинки...

Тут я забеспокоилась, что она сейчас начнет расспрашивать, кто я вообще такая, и придется ей рассказывать про мои семейные обстоятельства. Но нет, ей было явно не до расспросов.

Мы забрали папку с остальными работами и отправились восвояси.

Бобрик шел гоголем, и я решила его еще похвалить:

– Ты молодец, сумел ее уговорить!

– Да при чем тут я! – Он пренебрежительно отмахнулся: – Это ты молодец, хорошую картину написала. Это не я, а твоя картина Милану уговорила, а я только и сделал, что упросил Милану взглянуть на нее. Знал, что она перед ней не устоит. Милана хоть и забурела в последнее время, но все же в искусстве разбирается, может отличить настоящее от дешевого фуфла, от мякины массовой культуры...

– Все равно, спасибо тебе. Если бы не ты, я бы не вспомнила те времена...

И мы распрощались, потому что он спохватился, что его ученики ждут. Я тоже поспешила домой и застала там озабоченного Васильича, который ожидал привоза душевой кабинки и остального оборудования для ванной.

Когда я вернулась в эту квартиру, я поняла сразу, что без

ремонта не обойтись. Если в комнатах было все-таки можно жить, то сантехника буквально разваливалась. Про кухню я решила пока не думать. Я теперь женщина одинокая, так что готовить себе одной разносолы не собираюсь. Хватило уже за пятнадцать-то лет.

Сантехнику привезли только к вечеру, Васильич уже весь изворчался, так что мне пришлось сбегать в магазин и накормить его если не полноценным обедом из трех блюд, то хоть жареной картошкой и готовыми котлетами.

Васильича рекомендовала мне тетя Света, охарактеризовав его как честного, умелого и непьющего. Опять-таки берет недорого, сам по себе работает. Пока что я была им довольна, если не слушать его ворчания и не вступать в политические споры.

Последующая неделя пролетела быстро, поскольку я была занята ремонтом.

Привезли стеклопакеты, потом два дня их устанавливали, после чего оставили столько грязи, что сутки я отмывала квартиру. Васильич помогал как мог.

Так что про открытие выставки я благополучно забыла бы, если бы Бобрик не позвонил за два дня. Не было у меня ни сил, ни времени куда-то тащиться, но неудобно было отказаться, так что я осмотрела себя в новом зеркале в ванной и пришла в ужас.

Волосы похожи были на паклю, которой забивают щели в деревенском доме, брови белесые, на руки лучше вообще не

смотреть.

Нет, если надеть заляпанные красками штаны и свободную блузу, как у художника Тюбика в сказке про Незнайку и его друзей, то вполне можно затеряться в толпе бородатых и лохматых мастеров кисти, но ведь Милана-то специально просила меня выглядеть прилично!

И я помчалась в салон красоты, куда попала без записи опять-таки по рекомендации незаменимой тети Светы.

Там меня и настиг звонок телефона.

– Мишка! – закричала я, прижимая трубку плечом, поскольку руками занималась маникюрша Вика. – Не могу говорить сейчас, все помню, буду послезавтра как штык, ничего не перепутаю, хватит уже меня контролировать!

– Это не Мишка, – слышался мужской знакомый голос. – Это... но я, кажется, не вовремя?

– Да что вы хотите? – рассердилась я, потому что никак не могла узнать голос. – Кто вы такой?

– Катя, это... это Виктор.

Точно, вот теперь я его узнала. Виктор Лещ, старый друг моего мужа (бывшего).

Не знаю, где они познакомились, не в школе, это точно, но знакомы были давно и дружили. То есть раньше мы дружили семьями, у него жена симпатичная очень, только она старше меня на десять лет, так что мы с ней особо не сблизились. А сам Виктор раньше мне нравился, помню, он все шутил по поводу наших рыбных фамилий и звал меня плотвичкой.

Но за последнее время как-то реже мы стали встречаться. Потом уж вообще не до этого стало...

И вот чего ему от меня надо? Ясно, это муженек его привлек к переговорам.

Его-то номер я внесла в черный список, хватило мне уже криков и ругани по телефону и вживую, не желаю больше с ним ни о чем разговаривать. А общаться тем более. Многие обдумала, когда синяки замазывала, чтобы соседи ничего не заметили.

Очевидно, Виктор кое-что понял из моего молчания, потому что быстро сказал:

– Катя, не отключайся! Я хочу с тобой поговорить!

– О чем? – холодно поинтересовалась я.

– Послушай, я только вчера узнал, что...

Ага, знает уже. Интересно, от кого?

Да ясно, от мужа, конечно. И зачем звонит? Позлорадствовать?

Да нет, насколько я знала, Виктор всегда был мужчиной серьезным и порядочным.

С другой стороны, я точно таким считала самого Вадима, когда выходила за него замуж. Серьезный, солидный мужчина, вполне обеспеченный, довольно интересный, но последнее не главное.

В общем, мне понадобилось пятнадцать лет, чтобы выяснить, что все не так. Хотя деньги остались при нем.

Краем глаза я заметила интерес на лице Вики и хотела уже

закончить разговор, но Виктор заторопился:

– В общем, я понимаю, что это разговор не телефонный, но давай встретимся...

Этого еще не хватало!

– Тебя Вадим послал? – не выдержала я, хотя совершенно не представляла, за каким чертом я понадобилась мужу (бывшему).

– Нет, конечно, нет! – Он невольно повысил голос. – Мы говорили с ним, да, но... Богом клянусь, это не он! Не веришь? Здоровьем своим клянусь!

– Ну хорошо, хорошо... – Я знала, что у него что-то серьезное было с сердцем, тогда все обошлось, но такая клятва – это серьезно. Такими словами не бросаются.

– Ты можешь со мной встретиться? Подъеду, куда скажешь! Где тебе удобно.

– Извини, но я занята, – ответила я чистую правду.

– Катя, это важно! И не займет много времени.

В конце концов мы условились, что через час он подъедет к салону красоты, я как раз закончу тут. Вика посматривала на меня с любопытством, но мне было уже все равно.

Одно хорошо: Виктор увидит меня хоть в простеньком прикиде, зато прямо из салона красоты, и это придало мне сил.

Машина у него была новая, так что я не сразу поняла, кто это машет мне из окна. Выглядел он неплохо, стало быть, со

здоровьем сейчас все в порядке.

Я уселась рядом, и он улыбнулся:

– Рад тебя видеть.

Прежде чем ответить, я прислушалась к себе и поняла, что хамить и ругаться с ним мне совершенно не хочется.

Мне эта пара всегда нравилась, жена много занималась детьми, пока они не выросли, так что нам было о чем поговорить, Виктор много работал, но семье уделял достаточно времени.

Это было раньше, а потом... я подсчитала про себя и с немалым удивлением осознала, что мы не виделись уже больше двух лет.

Ну да, в последний раз столкнулись с ними на юбилее уж и не помню кого.

– Я тоже рада, – сказала я и посмотрела на часы, причем так, чтобы он это заметил.

– Понял, – кивнул он, – я тебя не задержу. Значит, так. Прежде всего у меня и в мыслях нет уговаривать тебя вернуться к Вадиму. Хотя, скажу честно, мы с женой всегда считали, что ему с тобой повезло, что ты замечательная жена.

– Была, – напомнила я, – хотя он, как выяснилось, так не считает. И никогда не считал.

– Скотина, сколько ты сделала для его детей!

– Не надо о детях, – прервала я, – вот этого не надо. И вот что я тебе скажу. Не знаю, зачем ты пришел, но у нас все кончено. Нашего брака больше нет, так что нам с тобой вовсе

не обязательно общаться. А ему передай, что я согласна на развод и подпишу все, пускай только ведет себя прилично.

– Вот с этого места давай-ка подробнее, – теперь он не мямлил, а говорил серьезно и твердо. – Значит, ты окончательно и бесповоротно хочешь развестись.

– А он разве нет? Он тебе не говорил?

– Да говорил, – отмахнулся Виктор, – он очень много чего наговорил, так что уши у меня завяли. Рехнулся мужик на старости лет просто! Сошел с катушек!

– Дело не в этом. Просто это не тот человек, которого я когда-то знала. Совсем не тот.

– Да я понял, понял... – Виктор поморщился, и меня передернуло от мысли, в каких словах Вадим характеризовал меня.

Впрочем, мне на это наплевать. Наплевать с высокой вышки. Сейчас вежливо распрощаемся с этим Виктором, и я больше его никогда не увижу...

– Скажи мне, пожалуйста, где ты живешь? – спросил Виктор после небольшой паузы.

– В квартире моих родителей, вот тут недалеко. Отец умер три года назад, квартира по закону моя, так что на квартиру мужа я не претендую, тем более что она куплена еще до нашего брака. И на загородный дом тоже, поскольку, как я помню, он достался ему по наследству от его первой жены.

Все это муж (бывший) очень доходчиво мне объяснил, когда предложил убираться на все четыре стороны. Собствен-

но, из-за этого у нас и начались скандалы, из-за этого он и поднял на меня руку. Но сейчас я не собиралась рассказывать Виктору все подробности, не хочу с ним откровенничать. Собственно говоря, я вообще ни с кем это обсуждать не собираюсь.

– Допустим, – сказал Виктор задумчиво, – допустим, что вопрос с жильем у тебя решен, хотя, конечно... ну ладно. Тогда другой вопрос: на что ты живешь?

– Какое... – Я хотела спросить, какое ему до этого дело, но что-то меня остановило.

Я помедлила немного, чтобы голос не дрожал от злости, взяла себя в руки и заговорила, осторожно подбирая слова:

– Ты просто так спрашиваешь, из любопытства или...

– Или, – перебил меня он, – видишь ли, я считаю, что со стороны Вадьки это совершеннейшее свинство – так с тобой обойтись. Ведь пятнадцать лет ты была его женой, и дети...

– Не начинай! – рявкнула я и повернулась к двери, отыскивая ручку, чтобы уйти и больше никогда не отвечать ему по телефону.

– Дверь я заблокировал, так что не суетись, – заметил он, – понимаю, что ты зла на Вадьку, но я-то при чем?

– Чего тебе от меня надо? – закричала я.

– Я прямо перейду к делу, если ты так же прямо ответишь на мой вопрос: на какие деньги ты живешь? И еще ремонт в своей квартире делаешь?

Ага, он и про ремонт уже знает... надо же, как быстро ин-

формация распространяется!

– Я много про тебя знаю, мне дружок мой бывший все рассказал, – вздохнул он, – и про то, как тебя из дома выгнал, и про то, что карточку блокировал, чтобы ты не могла ею воспользоваться.

Это верно, я едва успела вечером снять какие-то деньги с хозяйственной карточки, а утром она оказалась уже заблокирована. Впрочем, там денег было немного, муж пополнял ее раз в месяц. Я тогда не очень и удивилась, после того как он потребовал усыпить Марусю, я уже ничему не удивлялась.

– Ну? – напомнил о себе Виктор.

– Я продала машину, – неохотно объяснила я, – знаю, что задешево, зато быстро. Мастер посодействовал, который профилактику проводил, давно его знаю.

– А потом что делать будешь, когда деньги кончатся?

– Прекращу этот ремонт волевым методом и буду искать работу! Конечно, диплом мой уже никуда не годится, но хоть куда-нибудь устроюсь!

И про себя добавила, что поможет тетя Света, и Бобрик тоже меня не бросит.

– Допустим, что все так и будет. Но при разводе Вадим не даст тебе ничего, он мне сам сказал. Ему, видите ли, деньги нужны на молодую жену, тьфу!

Я видела, что Виктор не притворяется, ему и правда противно было все это слушать от своего друга, не зря назвал его бывшим. Но я-то при чем?

– Да мне вроде ничего и не положено...

– Вот тут ты ошибаешься, – твердо заговорил Виктор, – за пятнадцать лет законного брака тебе много чего положено. Покупали же вы много чего, стало быть, на половину ты имеешь право. И еще... – он сделал небольшую паузу, – я, конечно, не совсем в курсе, но когда-то давно был у нас с Вадимом разговор, он хотел на тебя записать кое-что из своих активов.

– Я... я не знаю...

Я мучительно вспоминала про какие-то документы, которые муж (бывший) давал мне на подпись и все торопился, так что я толком и прочитать эти документы не успевала.

– В общем, адвокат разберется.

– Вот на адвоката у меня точно денег нет!

– Я найду тебе хорошего адвоката, а заплатишь ему потом, когда получишь что-то от мужа.

– Бывшего, – поправила я.

Условились, что адвокат сам позвонит мне в ближайшие дни, потом Виктор подвез меня к дому и попрощался. И только войдя в квартиру, я вспомнила, что даже не поблагодарила его толком. Впрочем, еще посмотрим, как дело обернется.

Я начала собираться на вернисаж за три часа и все равно времени не хватило. Прежде всего я занялась выбором платья.

Выбирать, впрочем, было особо не из чего, я взяла с собой только три платья: одно очень открытое сверху и длинное, второе черное и третье... самое любимое, дивного серо-синего оттенка, который так подходит к моим глазам. Конечно, если в них не отражаются тревога и страх, а еще вечные заботы.

Длинное платье я отмела сразу, вообще, наверно, сунула его в чемодан в помутнении рассудка. Черное тоже не слишком подходило к случаю, поэтому я надела то самое, серо-синее.

И к нему очень стильное ожерелье из блестящих металлических колец или спиралей, какие-то там были из них сложные геометрические фигуры.

Думаю, что это ожерелье вполне подойдет к художественному вкусу Миланы.

Целую вечность я провозилась, накладывая макияж, никак не получалось подвести глаза так, чтобы не выглядеть медведем-коалой с похмелья.

Да, следует признать, что я разучилась.

Разучилась заботиться о себе и носить красивые вещи, разучилась улыбаться – просто так, потому что хорошее настроение, разучилась бывать на людях.

Как-то все незаметно ушло, заботы о семье, о детях...

Да, дети. От первого брака Вадима, которые жили с ним, потому что жена его погибла в автомобильной катастрофе, когда младшему, Андрюше, не было еще и трех лет.

Стоп! Вот только не нужно сейчас думать о детях, потому что тогда я явлюсь на вернисаж с физиономией несчастного Пьеро и испорчу всем настроение.

Тут Марусе надоело смирно сидеть в углу комнаты, и она одним метким ударом лапы рассыпала мне все тюбики и спонжики. Я взглянула на часы и поняла, что опаздываю.

Галерея «Милан» была совсем близко от моего дома, и я пошла туда пешком.

Район я знала как свои пять пальцев и пошла самым коротким путем – через проходной двор.

Внутри я попала без труда, но вот выйти с первого раза не удалось.

Раньше из этого двора можно было выйти через сквозной подъезд, выходящий на две стороны – в него можно было войти, а выйти в переулок.

Удивительно, как я не сообразила, что за прошедшие годы все тут изменилось? Теперь вход в этот подъезд был закрыт на электронный замок с домофоном.

Я безуспешно ткнулась в дверь, поняла, что не смогу ее открыть, и отступила.

Но я не стала возвращаться – я помнила, что из этого двора можно выйти еще одним способом.

В дальнем углу этого двора был старый кирпичный гараж, а за ним – проход, выходящий в тот же переулок.

Как ни странно, гараж стоял на прежнем месте, и проход

за ним тоже сохранился. Я вышла в переулок, и тут прямо передо мной, как из-под земли, вырос противный тип с плоским, как блин, лицом и с прилипшим к нижней губе окурком.

– Куда идем? – осведомился он, окинув меня цепким оценивающим взглядом.

Я знала, что таким персонажам, как бродячим собакам, нельзя показывать слабость. Это их только заводит.

– А тебе какое дело? – Я взглянула на него исподлобья: – А ну отвали срочно!

– А то что? – Он похабно осклабился: – Такие люди в нашем захолустье! Надо познакомиться поближе!

– Я сказала – отвали! – повторила я и выдала заветный пароль: – Я соседка Кирпича!

В прежние времена это имя действовало на мелкую окрестную шпану удивительным образом. Кирпич был авторитетным пацаном в нашем районе, и ссылка на него всех успокаивала. Но времени с тех пор прошло много, и реальность изменилась.

– Какой еще Кирпич? – презрительно фыркнул хулиган. – Знать не знаю никакого Кирпича! А если ты здесь теперь живешь, должна прописаться!

Я прикидывала, чем бы его огреть и как после этого сбежать.

На тротуаре рядом лежала половинка кирпича. Но вряд ли мне удастся ее поднять... Ага, в длинном пальто, да еще

на каблуках...

Денег у меня в сумочке нет совсем, но есть телефон, и сама сумка дорогая, нет, жалко все это терять.

Хулиган, видно, перехватил мой взгляд и глумливо, гаденько ухмыльнулся:

– Ну, попробуй, попробуй!

И тут за спиной у него появился высокий широкоплечий мужчина в черном пальто, с длинным лошадиным лицом, покрытым стильной трехдневной щетиной.

– Ты, козел, что к девушке пристал? – процедил этот незнакомец в лучших традициях малобюджетного боевика. – А ну, проваливай срочно, пока цел!

Хулиган развернулся, оглядел незнакомца и презрительно ухмыльнулся:

– Кавалерия подросла? Ну, сейчас мы с этой кавалерией разберемся по-нашему!

Он шагнул навстречу незнакомцу, взмахнул рукой, метя ему в челюсть, но там, куда он целил, была уже пустота.

Незнакомец отступил в сторону, ударил...

Вот его удар достиг цели, он попал в скулу хулигана.

Хулиган покачнулся, отступил, пробормотал что-то непонятное, вроде «мы так не договаривались», и припустил прочь мелкими шажками побитой собачонки.

– Спасибо... – начала я, обращаясь к своему спасителю, но того уже не было, как сквозь землю провалился, а из-за угла появился Мишка Бобрик, веселый и оживленный.

– Плотицына! – радостно выпалил он, увидев меня. – Вот хорошо, что я тебя встретил! Пойдем вместе, так веселее! И скорее – мы уже опаздываем! Без нас все шампанское выпьют! Знаю я этих художников, им бы только причаститься на халяву!

Мы, конечно, опоздали, но официальная часть еще не началась. Народу было полно. Слонялись по залу бородатые и плохо подстриженные Мишкины собратья по кисти, был один колоритный дед в приличном костюме с окладистой бородой, про которого Бобрик сообщил мне, что это известный художественный критик и что это большая удача, что Милане удалось залучить его на открытие выставки, потому что так уж повелось, что если этот критик придет и скажет пару-тройку слов – то выставка пройдет успешно. Примета такая.

Были женщины. Разные. Художницы в платьях-балахонах или в широченных штанах, одна в тирольской шляпе с пером. Были девчонки из художественной школы, не иначе Бобрик их позвал, были интеллигентные старухи, которые всегда ходят на все выставки. Были журналисты, с фотоаппаратами и без.

Вообще народу было полно, у меня даже заломило в висках от шума и духоты. Отвыкла я от такого количества людей, собранных в одном помещении.

Мишка пошептался с кем-то из своих приятелей и испа-

рился. Я рассеянно наблюдала за ним, потом перевела взгляд на картины.

Что ж, не могу не признать, что Милана знает свое дело. Ведь это она выбирала картины. Теперь видно, что художественный вкус у нее хороший. Выставка давала неплохое представление о городе, который был лет двадцать назад. А может, и больше. Причем, судя по датам, указанным на рамках, картины написаны были не так давно, просто художники находили подходящую натуру. Так что мой «Дом с башенкой» был тут очень на месте.

Тут зазвонил колокольчик, и появилась Милана.

Выглядела она шикарно. Пышные волосы на этот раз были убраны в высокую прическу, и макияж хоть и слишком яркий, но наложен вполне профессионально.

В ушах у нее были металлические серьги из крупных треугольников (ага, стало быть, я в тренде со своим ожерельем), а платье тоже мешком, но я-то примерно представляла, сколько оно может стоить. В общем, Милана была на уровне.

Она сказала несколько слов о выставке, потом микрофон взял тот самый старикан с окладистой бородой. Его слушали внимательно, все ведь хотели, чтобы выставка прошла успешно. Корреспонденты щелкали фотоаппаратами, кто-то тихонько бубнил в диктофон.

– Сегодня еще одной выставкой, понимаете ли, никого не удивишь... – говорил старикан, любовно оглаживая боро-

ду, – выставки, понимаете ли, открываются одна за другой, как эти, понимаете ли, грибы после дождя... эти, знаете, боровики, подосиновики, лисички, белые грузди... о чем это я? Ах да... о выставке... так вот, теперь выставки часто открываются, но никого не интересуют, а почему? Потому, понимаете ли, что у них нет главного – у них нет этой... концепции! – Он с важным видом поднял кривой указательный палец. – А у этой выставки она есть! И какая же, вы спросите, у нее концепция? А вот такая: эта выставка посылает нам всем сигнал, даже, понимаете ли, месседж, не побоюсь этого иностранного слова, что жизнь проходит, а искусство остается... и мы с вами являемся, понимаете ли, адресатами этого месседжа...

Тут кто-то осторожно тронул меня за руку.

– Тс-с... – Мишка прижал палец к губам. – Идем со мной. Только тихо.

И он потянул меня в самый дальний угол зала. Через минуту открылась дверь, и появился тот самый щуплый мужичок, что помогал Милане развешивать картины.

По-прежнему седые волосы его были завязаны в хвост, и надеты на нем были те самые вылинявшие джинсы, только по случаю открытия выставки он нарядился в белую рубашку. И даже прикрепил к воротнику галстук-бабочку, как заправский официант. В руках мужичок держал поднос, уставленный бокалами с шампанским.

Увидев, как шампанское искрится в свете люстры, я поня-

ла, что это именно то, чего мне в данный момент не хватает.

Мишка подмигнул мне, и мы ловко сняли по бокалу, после чего он отправился общаться со своими собратьями и обниматься с художницами, а я была перехвачена девицей с фотоаппаратом на предмет интервью. Уж не знаю, с чего она ко мне прицепилась, очевидно, я бросилась ей в глаза, потому что и вправду выгодно отличалась от всех остальных особ женского пола.

Давать интервью мне совершенно не хотелось, потому что, откровенно говоря, нечего было сказать. Пока девица щелкала фотоаппаратом, я стояла, глупо улыбаясь на фоне собственной картины. Потом она стала задавать вопросы, выпаливая их со скоростью пулемета, я еле успевала отбиваться, чтобы не сказать лишнего.

И тут рядом со мной появился тот самый мужчина, который спас меня от мерзавца в переулке. Ну да, точно он, его длинное лицо и трехдневная щетина на щеках. Пальто он оставил в гардеробе, и теперь на нем был стильный пиджак. Точнее, появился он рядом не со мной, а с картиной и уставился на нее в непритворном восхищении.

– Добрый вечер... – промямлила я, глядя на пиджак и вдыхая запах дорогого лосьона после бритья.

Я как-никак была замужем за обеспеченным человеком и прекрасно знаю, сколько все это стоит. Словом, мужчина был хорош, хотя дело совершенно не в стоимости его одежды. Просто он выглядел как хозяин жизни.

Мелькнула, правда, мысль, что такой мужчина тут делает, потому что никак он не вписывался в эту тусовку, но я оставила эту мысль на дне бокала с шампанским. Ну да, как-то незаметно его допила.

– Добрый вечер! – весело ответил мужчина, одним движением бровей отогнал настырную девицу и жестом фокусника протянул мне еще один бокал.

– Потрясающая картина, – сказал он, отойдя чуть в сторону, чтобы поменять ракурс, – такое в ней настроение... вы не знаете, кто автор, кто эта самая К. Плотицына?

– Вы не поверите, но это я... – вырвалось у меня.

– Не может быть! – Он всплеснул руками.

– Отчего же?

– Оттого, что вы совсем не похожи на... – он запнулся, – в общем, не важно, за это надо выпить!

Мы выпили шампанского, голова у меня чуть кружилась, и было так приятно находиться в большом светлом зале и просто разговаривать с симпатичным собеседником, смотреть на эти картины и отбросить в сторону все свои проблемы хоть ненадолго.

У меня зазвонил телефон.

Хочется продолжить стихами: «Кто говорит – слон...»

Но нет, на экране был просто незнакомый номер. Причем, чтобы посмотреть на экран, мне понадобилось сделать над собой некоторое усилие, чтобы открыть глаза. Они катего-

рически не хотели открываться. Веки слиплись, было такое чувство, что их склеили по меньшей мере «Моментом».

Очевидно, уши были в относительно приличном состоянии, раз звонок сумел пробиться ко мне. Так что глазам пришлось подчиниться, хоть я и пожалела о своем героическом поступке, тем не менее ответила.

Голос тоже был незнакомый, женский.

– Катя, это Милана...

«Какая, к дьяволу, Милана, вы, дамочка, номером ошиблись!» – хотела рявкнуть я, повернуться на другой бок и снова заснуть, но что-то меня остановило.

Ах, ну да, Милана – это хозяйка той галереи, где мы были с Бобриком и где выставили мою работу.

Неужели она хочет мне сообщить, что на мою мазню нашелся покупатель?

– Да, Милана, я слушаю.

– Катя, подойди... подойдите, пожалуйста, ко мне в галерею.

Правда, что ли, продала мою работу? Так быстро?

Я не стала раньше времени радоваться и только спросила:

– Когда?

– Прямо сейчас. Это очень важно.

Голос у нее был взволнованный, обеспокоенный.

Нет, пожалуй, это не продажа, а что-то совсем другое...

– А в чем дело?

– Это не телефонный разговор. Приходите в галерею,

здесь я все объясню.

Тут мне передалось ее беспокойство.

Да что там у них случилось и как это может касаться меня? Ведь если бы это меня не касалось, с какой стати Милана стала бы мне звонить и так настоятельно звать меня в галерею?

– Хорошо, скоро буду.

Я села на кровати и огляделась. Спала я отчего-то в банном халате, все тело саднило. Очень медленно и мучительно я вспоминала, что вообще произошло.

Так, я живу в этой квартире с Марусей. Вчера я была на открытии выставки в галерее «Милана», что там было-то... Вроде бы все прошло удачно, шампанское пили... Больше ничего не помню.

Мое любимое платье лежало в кресле все мятое, запачканное рыжей шерстью. Все ясно, Маруська повалилась.

– Ну, я тебе устрою! – сказала я в сторону двери, поскольку оттуда раздавались скулеж и царапанье.

Маруся открыла дверь и гавкнула в том смысле, что нечего платья разбрасывать, прибирать нужно, раз на них валяться нельзя, и я не могла не признать ее правоту. Я застонала громко и прислушалась. В квартире царил тишина, стало быть, Васильич не работает. Ну да, взял выходной после того, как совершенно умотался с сантехникой. Это и к лучшему, что он не увидит меня такой.

Я встала с кровати, приказала комнате прекратить кру-

житься и побрела в ванную. Этот ангел во плоти даже подключил воду.

Как ни странно, но собралась я быстро, возможно оттого, что душевая кабинка оказалась замечательной, и я быстро пришла в себя, постояв под сильными струями горячей воды.

Маруся уже стояла у дверей, сжимая в зубах поводок, но я объяснила ей, что уйду по делу, а ей придется остаться дома одной.

Собаченция очень обиделась и ушла грустить под кровать.

А я отправилась в галерею.

Там было ощущение разгрома, на полу – грязные следы, многие картины сняты со своих мест и составлены возле стен.

Милана, растрепанная, с одним покрашенным глазом, стояла посреди зала. Увидев меня, она скривилась и проговорила:

– А, вот и ты... вы...

– Так что случилось-то?

– К нам в галерею этой ночью влезли воры.

– И что – много унесли?

– Да нет, немного. Одну работу.

– Ну, ничего страшного... а при чем тут я?

– При том, что они украли *твою* работу. «Старый дом с башенкой». Больше ничего не пропало.

Тут в зале появился Бобрик, улыбнулся мне и сказал:

– Это доказывает, что у воров хороший вкус.

Милана поморщилась и процедила:

– Тебе бы все шутить...

Она повернулась ко мне и добавила:

– Тут с тобой... с вами один человек хочет поговорить.

Он в моем кабинете сидит.

Милана показала на белую дверь, на которой был нарисован голубой глаз с длинными ресницами.

Я переглянула с Мишкой, он едва заметно мне подмигнул, затем толкнул эту дверь, и я вошла в кабинет.

За Миланиным столом сидел маленький человечек с веснушчатой физиономией и блекло-голубыми глазками. Такого цвета глаза бывают обычно у кукол.

Он и вообще был похож на большую куклу, на целлулоидного пупса – у него были маленькие ручки, которые чинно лежали на столе. А под столом я увидела маленькие ножки в ботинках детского размера, которые едва доставали до пола.

«Интересно, – подумала я, – с какого это перепуга Милана уступила этому пупсу свой кабинет?»

И тут же получила ответ на этот вопрос.

– Капитан Серов, – представился человечек и уточнил: – Отдел по обороту художественных ценностей.

– Екатерина Угрюмова, – представилась я в ответ.

– Угрюмова? – переспросил он разочарованно. – Но мне нужна Екатерина Плотицына.

– А, так это я и есть.

– А вы говорите – Угрюмова. Вы уж определитесь!

Поскольку он не предложил мне сесть, я сама придвинула себе стул, уселась поудобнее и только тогда ответила:

– Сейчас я – Угрюмова, по мужу, а Плотицына – это моя девичья фамилия.

– Ах, девичья! – Он облегченно вздохнул: – Интересно, интересно... Так это вашу картину украли? Значит, вы свои картины подписываете девичьей фамилией? Как бы псевдоним?

– Как бы нет. Когда я писала эту картину, я еще не была замужем. И подписала ее своей собственной фамилией. – Сама того не осознавая, я разговаривала с ним спокойно и терпеливо, как с маленьким ребенком. В соответствии с его внешним видом.

– Интересно, интересно... а теперь вы подписываете картины своей новой фамилией?

– Теперь я их никак не подписываю. Я уже очень давно не занимаюсь живописью. С тех самых пор, как стала Угрюмовой. То есть с тех пор, как вышла замуж.

На самом деле еще раньше, но я решила не уточнять.

– Интересно, интересно... а почему, если не секрет? – Он продолжал задавать вопросы с упорством бормашины, которая сверлит и сверлит зуб, невзирая на протесты пациента в кресле.

Тут у меня резко испортилось настроение. Мне совсем не хотелось объяснять этому целлулоидному пупсу, почему я

бросила живопись. Этак и до проблем с мужем дойдет, а уж про такое я вообще не собиралась никому рассказывать.

Видимо, он понял что-то по моему лицу, потому что взмахнул маленькими ручками и проговорил:

– Впрочем, не важно... лучше ответьте вот на какой вопрос: как вы думаете, почему украли именно вашу картину?

– Вот уж этого я точно не знаю! На этот вопрос скорее вы должны ответить.

– Что ж, может быть, и отвечу... со временем. – Он наклонил голову и посмотрел на меня искоса, при этом в бледно-голубых его глазках появилось выражение... я не поняла, что они выражали, но явно были не похожи на кукольные.

– Еще вопросы у вас есть? – Я поерзала на стуле.

– Конечно! – Он побарабанил по столу своими детскими пальчиками и поболтал под столом ножками в детских ботинках, а потом спросил, пристально глядя на меня: – Как давно вы знаете Марию Валерьевну?

– Кого? – переспросила я удивленно.

– Хозяйку галереи.

– Милану?

– Ах, ну да, Милану.

Оказывается, на самом деле она Мария... ну и чем ее не устроило это имя? Хотя какое мне дело?

– Так как давно вы ее знаете?

– Несколько дней.

– Как это – несколько дней? – на этот раз он, кажется,

удивился.

– А вот так. Неделю назад я о ней даже не слышала.

– Не слышали? Очень странно... а вот у меня имеются достоверные сведения, что вы с Миланой... с Марией Валерьевной Вуячич учились в одной и той же художественной школе. Как-то, знаете, одно с другим не сходится...

– Ну да, мы с ней действительно учились в одной школе, только она на несколько лет старше... то ли на пять, то ли на четыре. Вот вы, к примеру, помните тех, кто учился в одной школе с вами, но на несколько классов старше?

– Нет, не помню... – честно признался капитан, но тут же сделал строгое лицо и проговорил: – Вообще-то здесь я задаю вопросы. А вы на них должны отвечать, причем честно!

– А я и отвечаю... хотя один вопрос мне все же очень хочется задать. Почему такой незначительный повод привлек внимание нашей доблестной полиции? Подумаешь, украли одну работу, не представляющую никакой ценности...

– А вот я теперь и хочу разобраться – представляет она ценность или нет...

Он немного помолчал и добавил доверительным тоном:

– Понимаете ли, Мария Валерьевна... Милана застраховала свою галерею в солидной страховой компании.

– Ну и правильно сделала.

– Разумеется. И она, как положено, тут же сообщила в страховую компанию о сегодняшнем происшествии. А страховая компания, в свою очередь, обратилась к нам – в по-

лицию. Таков, знаете ли, порядок. И теперь мы обязаны это происшествие расследовать.

Он помолчал, дав мне время осознать свои слова, и продолжил:

– Для этого я здесь нахожусь и для этого задаю вам все эти вопросы. Моя задача – выяснить, что здесь произошло. То есть что произошло – и так понятно, кража со взломом, непонятно только, почему злоумышленники, потратив много сил и времени, похитили только одну картину – вашу... как вы сами считаете, эта картина имеет какую-то ценность?

– Честно?

– Разумеется.

– Если честно, я считаю, что не имеет. Я о своем таланте не слишком высокого мнения. Если бы было иначе, я не бросила бы живопись.

– Ну, спасибо за честный ответ, только он ничуть не приблизил нас к ответу на главный вопрос. Почему все-таки злоумышленники взяли именно вашу картину?

– Может быть, они очень спешили? Может быть, их кто-то спугнул, вот они и взяли первое, что попало под руку?

– Конечно, полностью исключить такое объяснение нельзя, однако детали дела говорят о том, что преступники не торопились, они делали все обстоятельно, не спеша. Отключили сигнализацию, открыли дверь отмычками...

– Ну, может, сначала не спешили, а потом испугались чего-то и заторопились...

– Возможно, однако ничто на это не указывает.

Тут я вспомнила старый зарубежный сериал, где комиссар ходил в жутком, едва не рваном плаще и все время задавал подозреваемому вопросы типа: а вот как вы считаете, отчего преступник сделал то-то и то-то, и подозреваемый старался ему объяснить, как и почему. И таким образом комиссар потихоньку припирал его к стенке, и тот во всем признавался. Ага, еще собака у него была, бассет-хаунд.

У меня тоже собака, кстати, не выгулянная с утра.

Вспомнив про Марусю, я рассердилась. Очевидно, этот пупс тоже смотрел когда-то тот сериал и теперь действует теми же методами. То есть получается, что он меня подозревает? Выходит, это я сама залезла в галерею и украла собственную картину? Идиотизм...

– Ну, короче, чего вы от меня-то хотите? – не слишком любезно спросила я.

– Понимаете, у меня есть два объяснения происшедшему. Или даже три. Первое – это что ваша картина имеет все же какую-то ценность, только вот какую?

– Говорю вам – я в этом сомневаюсь!

– Допустим, вы правы. Тогда второй вариант – настоящей целью грабителей была какая-то другая картина, но они в спешке перепутали и взяли вашу по ошибке.

– Есть еще и третье объяснение?

– Есть. Третье – никакого ограбления не было.

– То есть как – не было? Сигнализацию отключили, дверь

вскрыли, картину унесли...

– А может, это все инсценировка? Имитация ограбления?

– Зачем?

– Известно зачем – чтобы получить страховку.

Я, конечно, почти не знаю Милану, но мне все равно стало за нее обидно. Но теперь, по крайней мере, мне и правда стало понятно, что здесь делает полицейский. Он хочет доказать, что имеет место страховое мошенничество.

Он, видимо, прочитал что-то в моих глазах и проговорил:

– Да, вы правы, именно этот третий вариант кажется мне самым вероятным. И вы меня укрепили в этом мнении.

– Я?! Чем это?

– Вы мне не задумываясь сказали, что не считаете свою картину ценной. А тогда зачем надо было тратить столько сил и времени на ее похищение?

– Так, может, они и правда взяли мою картину по ошибке?

– Попробуем рассмотреть этот вариант...

Капитан открыл папку, которая лежала перед ним на столе, и высыпал на стол ворох фотографий.

– Вот фотографии, которые мне любезно предоставила Мария Валерьевна.

Я узнала снимки, сделанные на вернисаже, нашла Бобрика, Милану, нашла и саму себя.

Выглядела я на снимке очень глупо – открытый рот, выпученные глаза... я разговаривала с высоким мужчиной – только его самого было не разглядеть, он стоял спиной к каме-

ре. А на других снимках его вообще не было. Я попыталась вспомнить его лицо, черт, да мы же разговаривали с ним, шампанское пили – вон у меня бокал в руках.

Пока я разглядывала посетителей вернисажа, капитан изучал картины на стенах.

Я тоже посмотрела на картины – в первую очередь на свою.

Надо признать, что она висела хорошо, на выигрышном месте, в самом центре стены. И даже на фото производила впечатление.

Старый дом смотрел на зрителей, как старый человек, проживший долгую, яркую жизнь.

Рядом с моей картиной висела работа Бобрика – сиреневый куст перед грозой. В ней тоже было настроение, какая-то мрачная, томительная красота...

Тут мне пришла в голову очевидная мысль.

– Зачем вы рассматриваете фотографии, если все картины, кроме моей, остались на своих местах? Вы можете осмотреть сами картины в зале галереи...

– Ну, во-первых, так разглядывать удобнее. Я могу разложить все снимки перед собой и составить общую картину. А во-вторых, здесь есть ваша работа, и я могу определить, какие картины висели рядом с ней и соответственно с какими ее могли перепутать.

Он перетасовал снимки по-другому, снова оглядел их и проговорил вполголоса:

– Кроме того, я могу разглядеть всех людей, кто был на вернисаже. Потому что кто-то из преступников вполне мог туда прийти, чтобы осмотреть поле своей предстоящей операции.

Он третий раз перетасовал снимки и повернулся ко мне:

– Вы можете перечислить тех людей, которые попали на эти фотографии?

– Ну, я вообще-то не всех знаю. С этим вам лучше обратиться к Милане... к Марии Валерьевне.

– Не сомневайтесь, обращусь. Но мне хотелось бы сначала услышать это от вас как от человека свежего...

Я перечислила тех, кого знала: Бобрика, саму Милану, тех трех-четырех человек, которых помнила по прежним временам и с кем заново познакомилась.

Тут капитан взглянул на меня пристально и спросил:

– А это кто? – И он показал кончиком ручки на высокого мужчину, который стоял спиной к камере. На того, с которым я так оживленно разговаривала.

Тут мне почему-то сразу стало неловко.

– Да я не знаю... – промямлила я смущенно. – Незнакомый какой-то человек...

– Но вы с ним на снимке разговариваете, и видно, что этот разговор вас волнует.

– Ну уж и волнует... просто поболтала с каким-то мужчиной, еще бокал шампанского выпила... ну, или, может быть, пару бокалов... знаете, как это бывает...

– Вообще-то не знаю.

«Ну и дурак», – подумала я.

– Интересно, что его нет больше ни на одной фотографии, – протянул капитан.

И правда нет...

– Ну ладно, если вы больше ничего не можете мне рассказать о присутствовавших на вернисаже людях, давайте поговорим о картинах. Как вам кажется, какая-то из них может представлять интерес для грабителей? Проще говоря, может дорого стоить?

Я припомнила выставленные в галерее работы, освежила память, взглянув на снимки, – и честно признала:

– На мой взгляд, вряд ли. Картины ведь ценятся в зависимости от имени их создателя, а никто из участников выставки за прошедшие годы не приобрел имени. Да и вообще, честно говоря, уровень большинства работ не то чтобы ученический, но... наполовину любительский. Вот разве что Бобрик... в его работах что-то есть, но и у него картины покупают редко и за небольшие деньги. Если бы кто-то захотел получить его картину, купить ее проще, чем украсть из галереи.

– Вот как... значит, здесь нет дорогих картин?

– Ну... таких, чтобы дорого стоили – нет. Другое дело, что у тех, кто жил здесь раньше – двадцать, тридцать лет назад, – эти картины могут вызывать волнующие воспоминания. Они могут напоминать детство, юность, молодость... многие до-

ма, изображенные на этих картинах, больше не существуют, они снесены, разрушены. А ведь кто-то в этих домах родился, вырос...

Тут я взглянула на свою картину, на дом с башенкой...

Я поняла, что говорила сейчас в первую очередь о себе самой, о своих собственных чувствах, которые проснулись при виде этого старого дома.

Полицейский внимательно выслушал меня и проговорил с некоторым сомнением:

– Я много лет занимаюсь преступлениями, связанными с произведениями искусства, но мне никогда не приходилось слышать, чтобы картину похитили из-за нахлынувших воспоминаний. Картины воруют только из-за их высокой цены.

Тут дверь кабинета открылась, и в него вкатился круглый человек в круглых очках, с лоснящейся физиономией.

Он скользнул по мне оценивающим взглядом, видимо, сразу решил, что я не представляю для него никакого интереса, и повернулся к полицейскому:

– Златоусский, Артемий Арнольдович, – проговорил он круглым масляным голосом и протянул капитану визитную карточку с фамилией и номером телефона.

– И что вы здесь делаете? – удивленно осведомился капитан. – Лично я вас не вызывал!

– И не должны были, – так же масляно ответил вошедший. – Меня вызвала моя клиентка, Мария Валерьевна Вуячич. Я как адвокат представляю ее интересы...

– Ах, вы ее адвокат! Но пока ей нет нужды обращаться к адвокату, мы ее пока ни в чем не обвиняем...

– Ключевое слово здесь – пока! К адвокату лучше обратиться заранее, так сказать, превентивно. До того, как возникнут какие-то обвинения. Потом может оказаться поздно.

С этими словами адвокат уселся на стул и утвердился на нем так плотно и основательно, что даже мне стало ясно: он здесь всерьез и надолго. Капитан Серов, очевидно, тоже это понял, потому что резко поскучнел.

Тут я подумала, что вполне могу незаметно удалиться, мое присутствие здесь излишне. Я сделала полицейскому ручкой и скользнула к двери кабинета.

Он повернулся было ко мне, хотел что-то сказать, но передумал и заговорил с адвокатом.

А я вышла в выставочный зал.

Там сейчас никого не было, все картины висели на прежних местах, только на месте моей пропавшей работы было пятно – как на месте выпавшего зуба.

Я остановилась перед этим пятном и задумалась.

В самом деле, кому могла понадобиться моя старая картина?

Я не питаю иллюзий насчет своего таланта. Вряд ли моя картина может стоить больших денег. Но тогда... тогда зачем она кому-то понадобилась? Причем до такой степени, чтобы пойти из-за нее на преступление?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.